

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-04

УДК 378.14.015.62

Оригинальная научная статья

Исследование целеполагания современных студентов

Д. А. Севостьянов

*Новосибирский государственный аграрный университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: dimasev@ngs.ru*

Т. Ю. Калошина

*Новосибирский государственный аграрный университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: kaloshinatu@mail.ru*

А. Р. Гайнанова

*Сибирский государственный университет путей сообщения
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: gainanova@bk.ru*

Аннотация. *Введение.* В статье представлено исследование целеполагания современных студентов. Анализируется роль целеполагания в образовательной и будущей профессиональной деятельности. *Постановка задачи.* Целеполагание рассматривается в структуре ценностно-ориентационной деятельности. Выявляется соотношение просоциальных и эгоистических ценностей обучающихся. Дан краткий обзор современных подходов к целеполаганию. *Методология и методика исследования.* В статье рассматриваются различные аспекты целеполагания, связанные с будущей профессиональной деятельностью, планированием семейной жизни и формированием материального достатка. **Результаты.** Практическая часть исследования включает в себя анализ целеполагания на материале опроса 479 респондентов (172 мужского пола, 307 женского пола). Выборку составили студенты старших курсов университетов г. Новосибирска. Респондентам предлагалось сформулировать свои жизненные цели на один год, на пять лет и на всю жизнь. Результаты исследования носят разноплановый характер. С одной стороны, в нем выявляются тревожные тенденции (низкий уровень просоциальных мотивов, выраженных в целеполагании студентов, а также незначительный процент студентов, связывающих свое будущее с научно-исследовательской деятельностью). Потребительская мотивация выражена в целеполагании студентов гораздо сильнее, чем просоциальная. С другой стороны, результаты исследования позволяют говорить о сохранении значимости семейных ценностей в представлениях современных студентов. *Выводы.* Отмечается стремление к приобретению жилья в собственность, что свидетельствует о тенденции к оседлому проживанию. Это противоречит представлениям о перспективе повышения мобильности трудовых ресурсов в России. Показательно также, что лишь менее трети юношей и менее трети девушек высказали намерение открыть собственное дело, что косвенно указывает на относительно скромные перспективы развития малого и среднего бизнеса в России. Наконец, исследование показало невысокий уровень эмигрантских настроений среди опрошенных студентов. Представляется целесообразной повсеместная организация подобных исследований на постоянной основе.

Ключевые слова: целеполагание студентов, мотивы, просоциальные ценности, эгоистические ценности

Для цитирования: Севостьянов Д. А., Калошина Т. Ю., Гайнанова А. Р. Исследование целеполагания современных студентов // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 3. С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-04>

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-04
Original Paper

Research on the goal setting by modern students

Sevostyanov, D. A.

*Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: dimasev@ngs.ru*

Kaloshina, T. Yu.

*Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: kaloshinatu@mail.ru*

Gainanova, A. R.

*Siberian State University of Railway Transport
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: gainanova@bk.ru*

Abstract. The article presents a study of the goal setting by modern students. The authors analyze the role of goal setting in educational and future professional activities. The authors consider goal setting in the structure of value-oriented activity. They reveal the correlation of prosocial and egoistic values of students. The article provides a brief overview of modern approaches to goal setting. The authors consider various aspects of goal setting related to future professional activities, family life planning and the formation of material prosperity. The practical part of the study includes an analysis of goal setting based on a survey of 479 respondents (172 male, 307 female). The respondents were senior students of Novosibirsk universities. The researchers asked the respondents to formulate their life goals for one year, for five years, and for life. The results of this study are diverse. On the one hand, it reveals disturbing trends (a low level of prosocial motives expressed in the goal setting by students, as well as a small percentage of students who associate their future with research activities). Consumer motivation is expressed in student's goal setting much more strongly than prosocial motivation. On the other hand, the results of the study allow us to speak about the preservation of the importance of family values in the views of modern students. There is a desire to acquire housing in the property, which indicates a tendency to settle down. This contradicts the ideas about the prospect of increasing the mobility of labor resources in Russia. It is also significant that only less than a third of young men and less than a third of girls expressed their intention to start their own business, which indirectly indicates the relatively modest prospects for the development of small and medium-sized businesses in Russia. Finally, the study showed a low level of emigrant sentiment among the surveyed students. The authors consider it expedient to organize such studies everywhere on an ongoing basis.

Keywords: students' goal-setting, motives, prosocial values, egoistic values

Citation: Sevostyanov, D. A., Kaloshina, T. Yu., Gainanova, A. R. [Research on the goal setting by modern students]. *Professional education in the modern world*. 2021, vol. 11, no. 3, pp. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-04>

Введение. В настоящем исследовании изучается целеполагание современных студентов. Способность сформулировать и последовательно достигать жизненные цели – одна из важнейших компетенций, приобретаемых обучающимися. Здесь играет роль и формальная сторона целеполагания (ценностно-ориентационная деятельность как таковая, составляющая неотъемлемую часть человеческой деятельности в целом) [1], и содержательное наполнение этого целеполагания.

Изучение целеполагания всегда опирается на некоторую философскую базу. Цели, которые преследует в жизни тот или иной индивид, неразрывно связаны с его ценностными представлениями и характером его мотивации. Ценность есть социальное понятие. Среди ценностей мы можем встретить как просоциальные, так и сугубо эгоистические; тем самым создаются основания для ранжирования ценностей в зависимости от их общественной значимости. Просоциальные ценности

и широкие социальные мотивы, направленные на достижение общественной пользы, способствуют формированию целей деятельности, которые ориентированы на поддержание и развитие человеческой общности, обогащение общей материальной и духовной культуры. Эгоистические ценности и узкие социальные мотивы, направленные исключительно на обустройство собственной жизни, служат формированию целей достижения собственного благополучия. Значимость таких целей в жизни каждого человека отрицать невозможно, но при преобладании эгоистических мотивов и таких же целей обществу угрожают атомизация и распад.

Разумеется, характер современного общественного устройства предполагает, что достижение даже весьма эгоистических целей приносит пользу многим, а не только одному изолированному субъекту. Со времен Адама Смита известно, что, например, зарабатывая на приобретение сугубо частной недвижимости, субъект так или иначе производит какой-либо востребованный, общественно полезный продукт; приобретая эту недвижимость, он вкладывает собственные средства в создание рабочих мест в строительной индустрии, промышленности строительных материалов и во многих других производственных областях. Эксплуатируя эту недвижимость, субъект непременно вкладывает деньги и в энергогенерацию, и в водоснабжение, и в обеспечение других коммунальных услуг. И даже поедая обед в ресторане, мы вкладываем заработанные ранее деньги во множество народнохозяйственных отраслей. Однако все эти несомненные факты не имеют никакого отношения к ценностям, мотивам и целеполаганию. Общество, составленное из эгоистов, едва ли может считаться жизнеспособным. Инженер, педагог или врач, социальный работник или управленец должны обладать способностью ставить иные (просоциальные) цели, кроме карьерного роста, увеличения своих заработков или роста индивидуального потребления, иначе и профессиональная деятельность такого специалиста способна превратиться в оплачиваемую имитацию. Однако все мероприятия по формированию целеполагания у будущих специалистов должны опираться на знание исходного уровня такого целеполагания. Именно этот уровень и предстояло изучить в настоящем исследовании.

Постановка задачи. Образование, которое в настоящее время получают студенты вузов, может рассматриваться как важнейшая инвестиция в будущее нынешних обучающихся. Но какое важное место бы ни занимало образование в структуре этого будущего, оно по природе своей носит главным образом инструментальный характер. Иначе говоря, образование человеку требуется не само по себе, а для достижения каких-либо внешних по отношению к нему жизненных целей. Однако цели

необходимо осознавать, а сам процесс целеполагания по необходимости должен подвергаться рефлексии. В противном случае студент ввиду слабо выраженного целеполагания едва ли будет себе представлять, для чего, собственно, он учится, каким образом его обучение проецируется на его цели в будущем (если не считать такой целью чисто формальное получение диплома). Между тем, как отмечает О. В. Богородская, одной из главных проблем в рефлексивной деятельности студентов, влияющей на эффективность приобретения компетенций, является недостаточно осознанное целеполагание [2]. Целеполагание студентов имеет значение не только применительно к формированию их личного будущего, но и для функционирования системы образования, поскольку студент в ней рассматривается именно как субъект саморегуляции профессионального целеполагания [3].

Значимость целеполагания студентов фактически не зависит от направления подготовки. Так, на актуальность исследований целеполагания у студентов-психологов указывает Л. С. Самсоненко [4], а целеполагание студентов-медиков рассматривается в качестве актуальной проблемы В. Н. Трегубовым с соавторами [5]. Для коррекции целеполагания студентов современными авторами предлагается использовать аутотренинг [6]. На необходимость внедрения в профессиональное обучение студента соответствующего психологического сопровождения, которое позволит целенаправленно осуществлять процесс развития представлений студентов о самореализации, указывает М. В. Хребин [7].

В современной литературе представлено немало данных о результатах исследований целеполагания современных студентов. Каждое такое исследование отображает определенные аспекты целеполагания студентов, а общая совокупность накопленных знаний позволяет оценивать целеполагание студентов как целостный, но чрезвычайно многосторонний процесс.

В частности, в работе О. И. Дубровиной, М. В. Богдановой изучается общая и предметная самоэффективность студентов, оценивается значимость таких профессиональных ценностей, как менеджмент и автономия (то есть определяется, насколько в представлении испытуемых успешность в карьере связана с предприимчивостью, управлением людьми, готовностью брать на себя ответственность и принимать вызов, решать трудные профессиональные задачи) [8].

В современных исследованиях применяется SMART-анализ жизненных целей, внедренный в свое время известным теоретиком и практиком бизнеса Питером Друкером [9]. Согласно правилу, сформулированному Друкером, цель должна быть *Specific* (конкретной), *Measurable* (измеримой), *Achievable* (достижимой), *Realistic* (актуальной, или подходящей), *Time-bound* (определенной во времени).

Среди отечественных авторов к SMART-анализу в различных его модификациях обращаются, например, Р. Ф. Гарифуллин [10, с. 12], Ю. Т. Глазунов [11, с. 290], М. В. Косцова, А. В. Гришина, В. А. Быстрыков [12], Н. Лебедева [13].

Особый подход к исследованию целеполагания студентов представлен в работе Э. Р. Короткевич. В ней отмечается, что в целеполагании студентов может быть выделена тенденция мотивации к мастерству или же ориентация на результат. Автор показывает, что студенты с ориентацией на достижение мастерства принимают решение поступить в университет на определенное направление подготовки самостоятельно; хотя они и ценят поддержку друзей и семьи, но выбор делают для себя сами, в результате собственных размышлений, применения личного опыта и в качестве акта проявления независимости. В то же время студенты, ориентированные на результат, чаще всего не проявляют такой степени независимости в своих образовательных решениях и поступление в университет для них является скорее делом предрешенным, а не итогом личного решения. Их причины, как показано в исследовании Э. Р. Короткевич, отражают внешнее давление и ожидания: будь то культурные нормы или идеалы семьи в отношении образования [14].

Исследователи обращают внимание на различные содержательные стороны целеполагания студентов. Так, А. В. Литвинова придает большое значение отделению (сепарации) от родителей в структуре целеполагания [15]. В работе Н. Ю. Литвиновой обращается внимание на тенденцию к занижению показателей деловой коллективистской мотивации, доминированию в структуре личности лично-престижной мотивации с ориентацией на избегание возможных неудач [16].

Изучение целеполагания студенческой молодежи представляется актуальным, кроме всего прочего, еще и потому, что в постановке своих жизненных целей студенты уделяют немало внимания перспективам собственной семейной жизни, в то время как в современном обществе, по мнению многих авторов, отмечаются явления глубокого кризиса, связанного с институтом семьи (см., напр.: [17]). Так, на трансформации системы семейных ценностей обращает внимание С. А. Ильиных [18]; всевозможные альтернативные формы брака, практикуемые в настоящее время, рассматривает В. Я. Нагевичене [19]. Исследования целеполагания студентов позволяют в определенной мере выявить дальнейшие перспективы социального института семьи и брака. Особое внимание при этом, естественно, приходится уделять сравнительному анализу целеполагания в зависимости от пола респондентов.

Методология и методика исследования. Представленное в настоящей статье исследование

является продолжением работы, промежуточные итоги которой подведены в 2019 г. [20]. Сбор материала для исследования производился в 2018–2021 гг. в вузах г. Новосибирска. В исследовании принимали участие студенты старших курсов как очной, так и заочной формы обучения, обучающиеся по ряду направлений подготовки, среди которых – «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Наземные транспортно-технические средства», «Психология», «Управление персоналом». Респондентам предлагалось обозначить свои жизненные цели на один год, на пять лет и на всю жизнь. Такой формат опроса нередко используется кадровыми службами в ряде организаций в процессе найма.

Опрос проводился на условиях анонимности. Всего было опрошено 172 респондента мужского пола и 307 – женского пола, а в общей сложности 479 респондентов. Возраст испытуемых мужского пола составлял 22,38 года ($\sigma = 2,99$), женского пола – 21,78 года ($\sigma = 2,94$). Такой половозрастной состав в целом характерен для рассматриваемой выборки.

При оценке различий количества однородных заявленных целей у представителей мужского и женского пола использовалось угловое преобразование Фишера. Как известно, достоверным процентным различиям некоторого признака между двумя выборками соответствует значение критерия Фишера $\phi^* \geq 2,31$, когда ошибка составляет не более 1 % ($p \leq 0,01$). Если значение этого критерия находится между 1,64 ($p \leq 0,05$) и 2,31 ($p \leq 0,01$), то различие трактуется как сомнительное; если же $\phi^* < 1,64$ ($p > 0,05$), то различия считаются недостоверными.

Результаты исследования. Поскольку опрашивались студенты, то целесообразно прежде всего обратить внимание на их цели, связанные с образованием. Опрошенные студенты-старшекурсники закономерно указали в качестве ближайшей цели получение диплома: такую цель обозначили 150 юношей (87,2 %) и 297 девушек (93,5 %); различия между полами здесь несущественны. Продолжить образование (поступить в магистратуру после бакалавриата, получить второе высшее образование) считают своей целью 43 юноши (25 %) и 101 девушка (32,9 %). Таким образом, девушки в большей мере стремятся продолжить образование, но разница не слишком существенна и здесь ($\phi^* = 1,84$; $p \leq 0,033$). Познавательные мотивы, не связанные непосредственно с формальным образованием, особо обозначены в целях у 13 юношей (7,6 %) и у 17 девушек (5,5 %). Изучение иностранных языков в качестве отдельно оговоренной цели представили 11 юношей (6,4 %) и 40 девушек (13 %); девушки ставят такую цель достоверно чаще ($\phi^* = 2,37$; $p < 0,01$). Впрочем, познавательные мотивы, как и мотивы изучения

иностранных языков, могут реализоваться даже тогда, когда о них специально не говорится: например, в путешествиях, которые в целеполагании студентов представлены гораздо шире (см. далее).

Кроме того, многие испытуемые отражали в своих целях мотивы саморазвития, непосредственно не связанные с описанными выше целями. В конкретных формах (например, прочесть столько-то книг) этот мотив представлен в целеполагании у 31 юноши (18 %) и 70 девушек (22,8 %). Неконкретные цели такого рода (просто «заниматься саморазвитием») представлены у 46 юношей (26,7 %) и у 85 девушек (27,7 %). Отсюда очевидно, что частота подобных целей не зависит от пола опрошенных. Творческая самореализация заявлена в качестве цели 5 юношами (2,9 %) и 11 девушками (3,6 %) – здесь зависимость от пола также не просматривается.

Очень слабо представлен в целях опрошенных исследовательский мотив, связанный с будущей научно-исследовательской деятельностью. Он был отражен в целях всего 2 юношей (1,2 %) и 5 девушек (1,6 %). Подавляющее большинство опрошенных, таким образом, не связывает свое будущее с наукой.

Отдельной целью многие испытуемые выделяли получение водительских прав. Здесь лидировали девушки: у мужского пола такая цель была заявлена у 18 человек (10,5 %), у женского – у 84 человек (27,4 %) ($\phi^* = 4,40; p < 0,01$). Однако это может объясняться тем, что большинство юношей, вероятно, уже получили права ранее.

Некоторые опрошенные выделяют занятия спортом. Среди юношей занятия спортом как цель обозначили 17 человек (15,7 %), среди девушек – 32 человека (10,4 %). Различия здесь невелики ($\phi^* = 1,66; p \leq 0,048$).

В виде отдельной цели показана забота о собственном здоровье; как правило, такую цель заявляли те, кто уже имел со здоровьем какие-либо проблемы: среди юношей это 18 человек (10,5 %), среди девушек – 56 человек (18,2 %). Отсюда следует, что женский пол достоверно более озабочен своим здоровьем, чем мужской ($\phi^* = 2,32; p < 0,01$).

Все без исключения испытуемые поставили себе в качестве цели трудоустройство; однако на то, что работа должна быть еще и любимой (эмоционально привлекательной), указали 30 юношей (17,4 %) и 81 девушка (26,4 %); разница между полами здесь сомнительная ($\phi^* = 2,26; p \leq 0,012$).

Карьерный рост в качестве цели обозначили 60 юношей (34,9 %) и 115 девушек (37,5 %). В этом вопросе различия между мужским и женским полом практически отсутствуют.

Широкие социальные мотивы, направленные на достижение общественной пользы, в конкретных своих проявлениях (например, «сформировать

спортивную команду» или «создать приют для домашних животных») представлены у опрошенных достаточно скромно и не зависят от пола: у 12 юношей (7 %) и у 20 девушек (6,5 %). То же самое можно сказать о широких социальных мотивах, выраженных в неконкретной форме (например, «приносить пользу людям»): такие цели заявлены у 8 юношей (4,7 %) и у 14 девушек (4,6 %). Примечательно, что широкие социальные мотивы, даже когда они представлены в целеполагании, относительно мало связываются с будущей профессиональной деятельностью, а скорее находятся за ее пределами. Из этого следует, что большинство студентов свое профессиональное будущее расценивает в основном как работу «на себя», а не как общественно полезный труд. Последнее демонстрирует тревожную тенденцию.

Мотив аффилиации (присоединения к социальной группе, дружеского общения) отражен в жизненных целях у 12 юношей (7 %) и 29 девушек (9,4 %). Здесь ощутимой зависимости от пола не выявляется.

Обратимся теперь к целям испытуемых, связанным с семейной жизнью. Несмотря на все широко обсуждаемые тенденции кризиса института семьи, подавляющее большинство респондентов (122 мужского пола (70,9 %) и 257 женского пола (83,7 %)) в качестве одной из жизненных целей указали именно создание семьи, при этом представители женского пола заявляли такую цель достоверно чаще ($\phi^* = 3,23; p < 0,01$). Причем если такая цель прямо не указывается, это не означает отказ от намерений создать семью. Из всех испытуемых лишь один юноша заявил цель «быть холостым», но и то только на ближайшую перспективу, а в дальнейшем и он выразил желание создать семью. Во всех случаях, когда из ответов испытуемых следует, что у них уже имеется партнер противоположного пола, в дальнейших целях указывается стремление узаконить отношения. Указаний на какие бы то ни было нетрадиционные формы семьи, которые, по литературным данным, получили распространение в современном обществе, нет в целях ни у одного испытуемого.

Желание обзавестись детьми высказали 53 представителя мужского пола (30,8 %) и 138 – женского пола (45 %); и здесь этот показатель у женского пола достоверно выше ($\phi^* = 3,09; p < 0,01$). Однако отсутствие указаний на желание иметь детей не означает наличие противоположного желания; просто многие опрошенные делали в своем целеполагании акцент не на семью, а, например, на профессиональную карьеру. Желания же целенаправленно оставаться бездетным не выразил никто.

Далеко не все опрошенные высказались по поводу того, сколько именно детей им хотелось бы иметь. Среди респондентов мужского

пола на это указывали лишь 19 человек (11 %), у женского пола этот показатель выше (92 чел., или 30 %), то есть девушки делают такие прогнозы достоверно чаще ($\phi^* = 5,45$; $p < 0,01$), что ожидаемо. Среднее желательное количество детей для девушек составило 1,84, для юношей – 1,73.

Существенное значение применительно к реализации семейных ценностей имеет намерение оказывать помощь родным (главным образом родителям). Среди юношей такую цель обозначили 31 чел. (18 %), а среди девушек – достоверно больше: 117 человек (38,1 %) ($\phi^* = 4,77$; $p < 0,01$). В то же время мотив независимости (главным образом стремление проживать отдельно от родителей) обозначили 10 юношей (5,8 %) и 35 девушек (11,4 %); здесь различия между полами сомнительны ($\phi^* = 2,13$; $p \leq 0,016$). Впрочем, эти данные мало о чем говорят, поскольку неизвестно, какой процент опрошенных в настоящее время все еще проживает с родителями.

Среди целей, указанных опрошенными, большое место занимает зарабатывание денег. Такую цель указали 95 юношей (55,2 %) и 122 девушки (39,7 %). Различие здесь достоверно ($\phi^* = 3,28$; $p < 0,01$), чем доказывается живучесть представлений о том, что именно мужчина должен быть в семье «кормильцем». Однако и те, кто не указал в качестве жизненных целей высокие заработки, нередко выражали намерение осуществить дорогостоящие покупки, такие как автомашина, квартира, дом и т. д., что также подразумевает необходимость высоких доходов.

Так, приобретение автомашины (или, много реже, иного транспортного средства, например, мотоцикла или катера) в качестве цели было заявлено 63 юношами (36,6 %) и 142 девушками (46,3 %); различие между полами в этом отношении сомнительно ($\phi^* = 2,08$; $p < 0,019$). Покупка недвижимости (как правило, квартиры, дачи, постройка собственного дома) представлена в виде цели у 87 юношей (50,6 %) и у 194 девушек (63,2 %); у девушек такая цель встречается достоверно чаще ($\phi^* = 2,68$; $p < 0,01$). Иные покупки и мероприятия, связанные с расходами (куда входит приобретение домашних животных, ремонт жилища и т. д.) в качестве цели указали 20 юношей (11,6 %) и 39 девушек (12,7 %).

Завести собственное дело (открыть свой бизнес) выразили намерение 54 юноши (31,4 %) и 75 девушек (24,4 %). Разница между полами здесь незначительна ($\phi^* = 1,65$; $p \leq 0,049$).

Большой процент опрошенных в качестве цели указывает путешествия: 71 юноша (41,3 %) и 220 девушек (71,7 %). Очевидно, что девушки достоверно чаще стремятся путешествовать ($\phi^* = 6,55$; $p < 0,01$).

Кроме того, 21 юноша (12,2 %) и 48 девушек (15,6 %) указали в качестве цели реализацию

какого-либо хобби или формы отдыха, не связанного ни с путешествиями, ни с покупками, ни со спортивными упражнениями. Сюда входят разнообразные увлечения, вплоть до экспериментов с собственной внешностью (пирсинг, татуировки).

Вышеизложенное показывает значительное преобладание у опрошенных потребительской мотивации над просоциальной мотивацией. Это явление вполне объяснимо: после развала Советского Союза, где насаждался принудительный альтруизм, маятник общественных настроений не мог не качнуться в другую сторону; нынешнее поколение студентов выросло уже в потребительском обществе и не знает иной реальности.

В настоящее время значительной проблемой принято считать распространенную тенденцию среди студенческой молодежи к эмиграции, отъезду за рубеж на постоянное место жительства [21], в результате чего возникает ситуация «утечки мозгов». Однако, хотя такая тенденция и прослеживается, у опрошенных вовсе не было выявлено повального стремления эмигрировать. Среди опрошенных мужского пола такое желание выразили всего 18 человек (10,5 %), а среди женского пола в процентном отношении – вдвое меньше (16 человек, или 5,2 %). Тем не менее статистически это различие сомнительно ($\phi^* = 2,1$; $p \leq 0,018$). В целом же из всего опрошенного контингента намерение эмигрировать выразили 7,1 % респондентов. Однако даже высказанное ныне желание эмигрировать еще не означает непременно его исполнения. Обращает на себя внимание, что путешествия, в основном по другим странам, с развлекательными и познавательными целями привлекает девушек значительно больше, нежели эмиграция (где, напротив, юноши на первом месте).

Наконец, заслуживают внимания некоторые цели, отражающие редкие мотивы (как показало исследование). Так, 6 юношей (3,5 %) и 10 девушек (3,3 %) показали в своих целях стремление к власти (достаточно скромный процент, если учесть, что свыше половины опрошенных составляли студенты по направлениям подготовки «Управление персоналом» и «Государственное и муниципальное управление»). Двое юношей (1,2 %) и 14 девушек (4,6 %) указали в своих целях следование консервативным мотивам (стремление к стабильности, неизменным правилам жизни); различие между полами здесь сомнительное ($\phi^* = 2,23$; $p \leq 0,013$). Мотив избегания неудач нашел отражение в целях лишь одного юноши (0,58 %) и двух девушек (0,7 %); последнее свидетельствует о значительной внутренней свободе респондентов, ориентированных главным образом на достигательную мотивацию. Мотив идентификации с кумиром указал только один юноша, который изъявил желание во всем походить на собственного дядю

(известного политического деятеля недавнего прошлого). Наконец, одна девушка в качестве цели заявила реализацию мотива популярности и престижа («быть популярной, и чтобы все видели, с кем имеют дело»).

Следует также указать, что количество заявленных целей у девушек оказалось несколько больше, чем у юношей: в среднем 8,1 против 6,6. Таковы особенности целеполагания студентов, выявленные в этом опросе.

Выводы. Представленные результаты исследования позволяют составить общее представление о структуре целеполагания современных студентов, а также об актуальных направлениях воспитательной работы, направленной на выработку навыков осознанного целеполагания у обучающихся. Следует отметить, что и сами подобные исследования имеют определенное воспитательное значение; на основании анализа анкет можно сделать вывод, что многие студенты озаботились формулировкой своих жизненных целей едва ли не впервые в жизни.

Безусловно, следует обращать внимание на реализацию в целеполагании широких социальных мотивов, причем именно применительно к профессиональной деятельности. Этот момент является слабой стороной подавляющего большинства опрошенных. Также необходимо сделать акцент на развитии познавательной и исследовательской мотивации.

Многие моменты, выявленные в проведенном опросе, выходят за рамки исследования целеполагания как такового и отражают определенные социально-экономические и политические тенденции ближайшего будущего. Так, ранее уже упоминалось, что кризис семейных ценностей, о котором теперь так много говорят и пишут, не нашел явного отражения в опросе. Свидетельством тому выступает выраженное подавляющим большинством респондентов желание создать нормальную, традиционную семью; лишь один опрошенный помимо жены выразил желание иметь любовницу.

Важную роль играют взгляды испытуемых на характер дальнейшего трудоустройства. Вопреки

распространенному мнению о том, что малый и средний бизнес должны составлять едва ли не основу экономики [22], желание организовать собственный бизнес изъявили менее трети юношей и менее четверти девушек. Все остальные планируют работать в основном по найму.

В современной литературе существенное внимание уделяется вопросам мобильности рабочей силы, то есть способности работников свободно перемещаться с одного места работы на другое, от одного работодателя к другому, в том числе в иной географический пункт [23]. Именно в повышении этой мобильности многие усматривали важный ресурс для грядущего роста отечественной экономики [24]. Однако такая мобильность, пусть и экономически оправданная, ведет к разрушению (в значительной мере оседлой) культуры, которая в нашей стране составляет значительный компонент национальной идентичности. Выявленные в нашем исследовании тенденции, связанные со стремлением к приобретению недвижимости в собственность, а не к проживанию в съемном жилье, противоречат желанию сделать сотрудников предприятий и организаций максимально мобильными (к этому следует прибавить, что в нашей стране и теперь подавляющее большинство населения составляют собственники жилья, а не его съемщики). Противоречит идее мобильности трудовых ресурсов и традиционно высокий уровень тесных взаимоотношений со старшим (родительским) поколением, что отчасти также выявлено в настоящем исследовании. Отнюдь не все выпускники вузов готовы надолго расставаться со своими родителями, уезжая к месту работы на другой конец страны.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что исследования целеполагания и меры по формированию навыков целеполагания будущих специалистов должны стать неотъемлемой частью учебного процесса в вузе. Это позволяет не только формировать просоциальную ценностную позицию обучающихся, но и отслеживать текущие тенденции в их целеполагании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). Москва : Политиздат, 1974. 328 с.
2. Богородская О. В. Осознанное целеполагание как ключевая компетенция в рефлексии учебной деятельности студентов // Вестник Мининского университета. 2016. № 4. С. 13.
3. Харитонова А. С., Мухаметзянова Ф. Г. Субъектная саморегуляция как социально-психологический механизм профессионального целеполагания студентов вуза // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2. С. 116–120.
4. Самсоненко Л. С. Развитие способности к целеполаганию у студентов-психологов на разных этапах обучения в вузе // Гуманитарни Балкански изследвания. 2019. № 2. С. 72–74.
5. Трегубов В. Н., Якушина И. И., Романова И. Ю. Оптимизация методики формирования жизненных целей при подготовке будущих врачей по специальности «Медико-профилактическое дело» // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. № 4. С. 96–103. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-14007.
6. Филатова-Сафронова М. А., Курамшина Д. Р. Смысловые конструкты целеполагания выпускников вузов в ходе аутотренинговой деятельности // Образование и право. 2020. № 9. С. 350–357. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-00598.

7. Хребин М. В. Развитие представлений студентов о самореализации в процессе их профессионального становления // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-1. С. 399–402.
8. Дубровина О. И., Богданова М. В. Представления о карьерной самоэффективности студентов разных форм обучения (на примере направления «психология») // Педагогическое образование в России. 2019. № 3. С. 74–79.
9. Друкер П. Практика менеджмента. Москва : Вильямс, 2009. 400 с.
10. Гарифуллин Р. Ф. Стратегии, планирование и достижение цели // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 6. С. 11–17.
11. Глазунов Ю. Т. Целеполагание и мотивация // Вестник Московского государственного технического университета. 2013. Т. 16, № 2. С. 288–299.
12. Косцова М. В., Гришина А. В., Быстрыков В. А. Специфика целеполагания студентов будущих переводчиков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. №. С. 327–333.
13. Лебедева Н. Правила постановки целей // Кадровое дело. 2004. № 12. URL: <https://www.ipnou.ru/print/000873/> (дата обращения: 14.02.2021).
14. Короткевич Э. Р. Учебная мотивация современного студента в контексте теории достижения целей // Образовательные ресурсы и технологии. 2019. № 3. С. 27–32.
15. Литвинова А. В. Взаимосвязь психологической сепарации от родителей и целеполагания студентов из полных семей // Психология и психотехника. 2019. № 4. С. 1–14.
16. Литвинова Н. Ю. Реализация государственной молодежной политики в системе высшего образования средствами технологии рефлексии и смысложизненных ориентаций // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1. С. 11–13. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00004.
17. Хачатрян Л. А. Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 4. С. 111–120.
18. Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи – традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4. С. 220–232.
19. Нагевичене В. Я. Гендерные ролевые девиации как факторы кризиса семьи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 189–192.
20. Севостьянов Д. А., Гайнанова А. Р. Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 43–53.
21. Борисова А. А. Трудовая миграция российской молодежи: государственные программы поддержки возвратности // Экономика труда. 2019. № 1. С. 599–612.
22. Чириканова Е. А. Малый и средний бизнес в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 7. С. 257–259. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10633.
23. Леманова П. В. Влияние мобильности рабочей силы на состояние рынка труда // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2015. № 1. С. 104–107.
24. Гильдингерш М. Г., Добрусина М. Е. Концептуальные подходы к формированию профессиональной мобильности рабочей силы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 102–105.

REFERENCES

1. Kagan M. S. *Human activity (experience in system analysis)*. Moscow, Politizdat, 1974, 328 p. (In Russ.).
2. Bogorodskaya O. V. Conscious goal setting as a key competence in reflection of educational activity of students. *Minin University Bulletin*, 2016, no. 4, p. 13. (In Russ.).
3. Kharitonova A. S., Mukhametzyanova F. G. Subjective self-regulation as a socio-psychological mechanism of professional goal setting by university students. *Kazan Pedagogical Journal*, 2019, no. 2, pp. 116–120. (In Russ.).
4. Samsonenko L. S. Development of the ability for goal setting in psychology students at different stages of study at the university. *Humanitarian Balkan Studies*, 2019, no. 2, pp. 72–74. (In Russ.).
5. Tregubov V. N., Yakushina I. I., Romanova I. Yu. Optimization of the methodology for the formation of life goals in the training of future doctors in the specialty "Preventive medicine". *Medical Education and Professional Development*, 2019, no. 4, pp. 96–103. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-14007. (In Russ.).
6. Filatova-Safronova M. A., Kuramshina D. R. Semantic constructs of goal setting by university graduates in the course of auto-training activities. *Education and Law*, 2020, no. 9, pp. 350–357. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-00598. (In Russ.).
7. Hrebin M. V. Development of students' ideas about self-realization in the process of their professional development. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2019, no. 62-1, pp. 399–402. (In Russ.).
8. Dubrovina O. I., Bogdanova M. V. The ideas about career self-efficacy of students of different forms of education (on the example of the speciality "Psychology"). *Pedagogical Education in Russia*, 2019, no. 3, pp. 74–79. (In Russ.).
9. Drucker P. *The practice of management*. Moscow, Williams, 2009, 400 p. (In Russ.).
10. Garifullin R. F. Strategies, planning and achieving goals. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 2011, no. 6, pp. 11–17. (In Russ.).
11. Glazunov Yu. T. Goal setting and motivation. *Bulletin of the Moscow State Technical University*, 2013, vol. 16, no. 2, pp. 288–299. (In Russ.).
12. Kostsova M. V., Grishin A. V., Bystryukov V. A. The specificity of goal setting by students studying translation. *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2020, no. 4, pp. 327–333. (In Russ.).

13. Lebedeva N. Rules for setting goals. *Personnel Affair*, 2004, no. 12. URL: <https://www.ipnpu.ru/print/000873>. (In Russ.).
14. Korotkevich E. R. Educational motivation of a modern student in the context of the theory of achieving goals. *Educational Resources and Technologies*, 2019, no. 3, pp. 27–32. (In Russ.).
15. Litvinova A. V. The relationship of psychological separation from parents and goal setting by students from full families. *Psychology and Psychotechnics*, 2019, no. 4, pp. 1–14. (In Russ.).
16. Litvinova N. Yu. Implementation of the state youth policy in the higher education system by means of the reflection technology and life-meaning orientations. *The World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 1, pp. 11–13. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00004. (In Russ.).
17. Hachtryan L. A. Trends of change in the modern Russian family. *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2014, no. 4, pp. 111–120. (In Russ.).
18. Ilinykh S. A. Family values of youth – traditions and transformations. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 2012, no. 4, pp. 220–232. (In Russ.).
19. Nagevichene V. Ya. Gender role deviations as the factors of the family crisis. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Socio-Humanitarian Sciences*, 2012, no. 10, pp. 189–192. (In Russ.).
20. Sevostyanov D. A., Gaynanova A. R. Goal setting by modern students: the inverse analysis. *Higher Education in Russia*, 2019, no. 7, pp. 43–53. (In Russ.).
21. Borisova A. A. Labor migration of Russian youth: state programs to support returning. *Labor Economics*, 2019, no. 1, pp. 599–612. (In Russ.).
22. Chirikanova E. A. Small and medium business in Russia. *Economics and Business: Theory and Practice*, 2020, no. 7, pp. 257–259. DOI:10.24411/2411-0450-2020-10633. (In Russ.).
23. Lemanova P. V. The impact of labor force mobility on the state of the labour market. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*, 2015, no. 1, pp. 104–107. (In Russ.).
24. Gildingersh M. G., Dobrusina M. E. Conceptual approaches to the formation of professional mobility of labour force. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2013, no. 377, pp. 102–105. (In Russ.).

Информация об авторах

Севостьянов Дмитрий Анатольевич – кандидат медицинских наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом, Новосибирский государственный аграрный университет (Российская Федерация, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, e-mail: dimasev@ngs.ru).

Калошина Татьяна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом, Новосибирский государственный аграрный университет (Российская Федерация, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, e-mail: kaloshinatu@mail.ru).

Гайнанова Алиса Рифкатовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Профессиональное обучение, педагогика и психология», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191, e-mail: gainanova@bk.ru).

Статья поступила в редакцию 02.03.2021

После доработки 17.05.2021

Принята к публикации 09.07.2021

Information about the authors

Dmitry A. Sevostyanov – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Policy and Personnel Management, Novosibirsk State Agrarian University (160, Dobrolyubov Str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation, e-mail: dimasev@ngs.ru).

Tatyana Yu. Kaloshina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Policy and Personnel Management, Novosibirsk State Agrarian University (160, Dobrolyubov Str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation, e-mail: kaloshinatu@mail.ru).

Alisa R. Gainanova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Professional Training, Pedagogy and Psychology, Siberian State University of Railway Transport (191, Dusi Kovalchuk Str., Novosibirsk, 630049, Russian Federation, e-mail: gainanova@bk.ru).

The paper was submitted 02.03.2021

Received after reworking 17.05.2021

Accepted for publication 09.07.2021